П.Л.БЕЛКОВ

Кумулятивные (цепные) сказки. Разыскания в области исторической морфологии сказки – 1.

Морфология фольклора не является чем-то исторически застывшим. В частности, на это указывают морфологические различия между двумя стадиями развития сказки: классической волшебной сказкой и так называемой первобытной сказкой. С этой точки зрения было бы интересно посмотреть, существуют ли кумулятивные сказки в рамках первичной формации и что они собой представляют в сравнении с известными образцами европейского фольклора. Всегда ли кумулятивные сказки выглядели такими, какими мы их знаем и были ли они сказками в ту далекую эпоху как явление мирового фольклора?

Научное изучение кумулятивных сказок начинается с работы Проппа, которая так и называется: «Кумулятивная сказка». Мы имеем полное право так говорить, так как в своих выводах и предположениях на этот счет Пропп исходил из наличия у кумулятивных сказок особой композиции[1]. По его мысли, такие сказки слагаются из трех частей: *экспозиции, кумуляции и финала*[2].

Здесь надо сделать небольшой отступление в историю создания рассматриваемой работы Проппа. Впервые она была опубликована в 1976 г. в сборнике статей разных лет под названием «Фольклор и действительность». Как пишет Б.Н.Путилов, составитель этого сборника, рукопись статьи сохранилась в двух вариантах – полном и сокращенном. Первый датируется 1967-м, второй – 1969-м годом и представляет собой текст, подготовленный в виде доклада. При этом говорится, что в основу публикации положен второй вариант[3]. К сожалению, не имея в руках рукописных вариантов, трудно сказать, какой из них полный, а какой сокращенный. Не вполне понятно и то, каким образом эти варианты соотносятся с главой «Кумулятивные сказки» из книги Проппа «Русская сказка», изданной в 1984 г. по материалам его курса лекций. Тексты 1976 и 1984 годом различаются не только по структуре, но и по содержанию, что весьма существенно для понимания высказанных Проппом идей. Так в книге при характеристике композиции кумулятивной сказки опущено предложение об экспозиции, кумуляции и финале как трех обязательных частях кумулятивной сказки[4]. Отсутствует и раздел, посвященный описанию конкретных сказок путем деления три составные части. Именно по этим причинам мы остановимся на тексте, опубликованном в 1976 г.

---

[1] Из работ других авторов более позднего периода своей особой старательностью (при полном непонимании сути вопроса) привлекает внимание статья А.А.Кретова «Рекурсивные сказки-2», вывешенная на сайте «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» (см. www.ruthenia.ru/folklore/kretov1.htm). Несмотря на титанические усилия, автору не удалось добавить что-то по существу к сказанному Проппом.

[2] Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. М., 1976, с.244.

[3] Фольклор и действительность. М., 1976, с.321.

[4] Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2011, с.330.

Первоначально определение трех указанных понятий дается Проппом остенсивно, через перечисление примеров. Внесем в этот вопрос ясность с помощью прямого цитирования:

Экспозиция. «Экспозиция чаще всего состоит из какого-нибудь незначительного события или очень обычной в жизни ситуации: дед сажает репку, баба печет колобок, девушка идет на реку выполаскивать швабру, разбивается яичко, мужик нацеливается на зайца и т.д. Такое начало не может быть названо завязкой, так как действие развивается не изнутри, а извне, большей частью совершенно случайно и неожиданно. В этой неожиданности – один из главных художественных эффектов таких сказок»[5].

Рассматриваемые «конструктивные элементы», по мнению Проппа, не подпадают под понятие завязки на том основании, что действие развивается «не изнутри, а извне». Тем самым он определяет кумуляцию, т.е. то, что следует за экспозицией, как развитие действия. Позже он, все-таки, дает определение понятия экспозиции. Экспозиция – это «начало, от которого нанизывается цепь»[6]. Его отношение к этому элементу станет понятнее, если вспомнить, как он определял понятие завязки в «Морфологии сказки»: «Элементы A B C ↑ представляют собою *завязку* сказки. Далее развивается ход действия» (курсив Проппа. – *ПБ*)[7]. Пропп же, как известно, литерой А обозначал функцию, определяемую им как вредительство. Таким образом, если следовать теории Проппа, одной из морфологических особенностей кумулятивной сказки мы должны считать именно тот признак, что ход действия открывается не вредительством («не изнутри»), а некоторым действием, свершающимся «случайно и неожиданно» («извне»). Как пишет Пропп: «В этой неожиданности – один из главных художественных эффектов таких сказок»[8].

Но в чем же состоит «неожиданность» таких обыденных, регулярно повторяющихся или, по выражению Проппа, «ничтожных» действий, как посадка репы, выпекание колобков, выполаскивание швабры? Вероятно, дело, все-таки, в чем-то другом.

Кумуляция. «За экспозицией следует цепь (кумуляция). Способов соединения экспозиции с цепью чрезвычайно много. Приведем несколько примеров, не стремясь пока ни к какой систематизации. В упомянутой сказке о репке ⟨…⟩ создание цепи вызвано тем, что репка сидит в земле очень крепко, ее невозможно вытащить, и зовут все новых и новых помощников. В сказке «Терем мухи» ⟨…⟩ муха строит терем или поселяется в какой-нибудь брошенной рукавице или в мертвой голове и т.д. Но вот один за другим в нарастающем порядке величины являются звери и напрашиваются в избушку: сперва вошка, блошка, комар, затем лягушка, мышка, ящерица, далее – заяц, лисица и другие звери. Последним является медведь, который кончает дело тем, что садится на этот терем и всех раздавливает»[9].

---

5 Там же.
6 Там же, с.249.
[7] Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969, с.40.
[8] Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. М., 1976, с.244.
[9] Там же.

По собственному замечанию Проппа, «принципы, по которым наращивается цепь, чрезвычайно разнообразны»[10]. Поэтому можно говорить о том, что принцип всегда один и тот же – *наращивание* определенного признака, от меньшего к большему, от лучшего к худшему и т.п.

При определении понятия финала (= развязки) Пропп ограничивается кратким пояснением относительно того, в отдельных случаях «последнее звено цепи одновременно служит концом сказки»[11], вероятно, подразумевая моменты подобные появлению медведя в сказке «Терем мухи». Следовательно, различие между последним звеном цепи и финалом он должен был видеть там, где происходит разрыв функции наращивания, например, при встрече Колобка с лисой или Глиняного паренька с козлом (*последняя встреча* по аналогии с *первой встречей*).

В целом информация о кумулятивных сказках, собранная Проппом, позволяет понять, что сказки этого разряда выступают в роли метафор или аллегорий множества реальных бытовых ситуаций, которые описываются с помощью таких пословиц, как: *сколько веревочке не виться, а конца не миновать* или *на всякого мудреца довольно простоты*.

Однако само по себе это ничего не говорит о происхождении кумулятивных сказок. Все, что можно было сказать по этому поводу, уже было сказано Проппом. И о том, что принцип кумуляции ощущается как реликтовый, и о том, что сказки этого типа – продукт каких-то ранних форм сознания[12]. Однако, даже если это слова самого Проппа, ссылки на некие таинственные свойства («структуры») первобытного сознания, опять-таки, не отменяют того факта, что при такой постановке вопроса возникает круг в определении. «Примитивное мышление, – пишет Пропп, – не знает времени и пространства как продукта абстракции, как оно вообще не знает обобщений. Оно знает только эмпирическое расстояние в пространстве и эмпирический отрезок времени, измеряемый действиями. Пространство и в жизни, и в фантазии преодолевается не от начального звена непосредственно к конечному, а через конкретные реально данные посредствующие звенья: так ходят слепые, перебираясь от предмета к предмету. Нанизывание есть не только художественный прием, но и форма мышления вообще, сказывающаяся не только в фольклоре, но и на явлениях языка. Но вместе с тем сказка показывает уже и некоторое преодоление этой стадии»[13]. Бог ведает, откуда Пропп все это взял. Вероятно, эти идеи казались ему разлитыми в современной ему этнографической литературе. На самом деле, те положения, которые он принимает за факты существования первобытного мышления, являются заключениями, основанными на обобщении,

[10] Там же, с.245.
[11] Там же, с.249.
[12] Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. М., 1976, с.248.
[13] Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976, с.248.

а обобщение и абстрагирование – совсем не одно и то же. Другими словами, если мы говорим о первобытном мышлении, мы имеем дело с домыслами, а не с результатами эмпирических наблюдений.

Прежде всего, существование так называемого первобытного мышления невозможно доказать теоретически. Для того, чтобы это доказать, необходимо сначала доказать несуществование у носителей традиции «не-первобытного» мышления, а *несуществование принципиально недоказуемо*.

В статье «Кумулятивная сказка» Пропп намеренно декларирует отказ от решения проблемы кумулятивных сказок исторически[14], лишь предположив их реликтовый характер. В соответствующей главе книги «Русская сказка» он пытается выйти из упомянутого круга в определении за счет параллелей с «обрядовыми отражениями» принципа кумуляции. В этом он опирается на исследование обряда афинских буфоний И.И.Толстым, указывающим, в частности, на соответствие сказки о глиняном пареньке и мифа об Эрисихтоне[15]. Однако для того, чтобы двигаться в указанном направлении при решении вопроса о происхождении кумулятивных сказок, необходимо сделать ряд допусков, в том числе использовать в качестве посылки утверждение о возникновении действия («обряда») раньше слова («мифа»). Согласно апории Зенона, Ахиллес никогда не догонит черепаху.

Но главное несоответствие во взглядах Проппа на сущность и происхождение кумулятивные сказок состоит в том, что он даже не думает применить к анализу сказок данного разряда свою теорию 31 функции. С внешней стороны здесь вроде бы нет противоречия, поскольку он с самого начала заявлял, что выводы относительно строения волшебной сказки касаются только волшебной сказки. Однако речь идет не о том, чтобы выявить в кумулятивных сказках структуру волшебных сказок, а о том, чтобы привести их к сопоставимому виду, например, выяснить, возможно ли сопоставить *экспозиции*, *кумуляции* и *финалу* кумулятивной сказки какие-то группы волшебно-сказочных функций.

Надо признать, что теория *31 функции*, в том виде, в котором она преподана Проппом, не позволяет заметить и выявить то общее, что может существовать между волшебной и кумулятивной сказкой. Однако это удается при введении в нее поправок с точностью до теории *трех мотифем*.

Разумеется, нельзя просто взять и откорректировать теорию Проппа, не выходя за ее пределы, как это неоднократно и безуспешно делалось многими исследователями. Исследование должно строиться на абстрагировании от материала, а не на абстрагировании чужих абстракций, как писал однажды сам

[14] Там же, с.247.

[15] Толстой И.И. Обряд и легенда афинских буфоний // Советский фольклор, 1936, № 4 -5, с.251 - 265. См. также: Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966, с.80 - 96. Примечательно, что Пропп был составителем этого сборника.

Пропп. Необходимо протестировать модель Проппа на истинность ее терминов, т.е. поставить ряд экспериментов над конкретными сказками, не исключая заранее, что более верной окажется какая-то другая модель.

Такая работа была проделана и теперь, надо надеяться, для того, чтобы понять и сущность (композицию), и происхождение (исторические корни), достаточно просмотреть хотя бы один из сборников по фольклору («мифологии») народов, находившихся к моменту становления этнографии на той стадии культуры, которую принято называть первобытной, или первичной, формацией. Наш выбор естественным образом падает на народы Австралии.

В качестве образцов возьмем две сказки, о «колобке» и «глиняном пареньке», которые, по классификации Проппа, представляют два вида, соответственно, формульные и эпические[16]. Пропп разбирает эти сказки следующим образом:

	«Колобок»	«Глиняный паренек»
Экспозиция	Старуха печет колобок, **он убегает**.	Бездетные старики лепят из глины паренька.
Кумуляция	Встречает зайчика (*resp*. волка, медведя, лисицу и др.), хвастает, что его не съедят.	Он съедает клубок с веретенцем, затем бабушку с копылком, дедушку с топорком, Катьку с ведром, баб с граблями и др.
Финал	Лиса его съедает	Козел бодает паренька, глина рассыпается, все выходят.

Некоторое неудобство доставляет неясное происхождение вариантов, поскольку в опубликованном тексте ссылки даны на номера в указателе Андреева и в АТ. Тем не менее, принцип деления вполне определен, чтобы сопоставить его с принципом деления на мотифемы. Для точности мы возьмем для рассмотрения сказку «Колобок» из афанасьевского сборника (№ 36) и сказку типа «Глиняный Иванушка», или «Обжора», из собрания Ончукова (№ 130).

При разложении этих сказок по методу трех мотифем становится сразу видно, что они легко укладываются в первую большую мотифему (см. ниже).

В известном смысле, деление Проппом сказок на функции можно представить как неточное отображение мотифемного деления. Иначе он бы заметил, что бегство колобка и его путешествие до прибытия в конечный пункт сказки есть не что иное, как отлучка, а именно тот вариант, когда, в терминах самого Проппа, «отлучаются лица младшего поколения»[17]. Встреча колобка с лисой также хорошо описывается с помощью триады *подвох, пособничество, вредительство*. Лиса льстит колобку, притворяется глухой, а колобок поддается на лесть и садится лисе на язык. *Отправку* здесь составляет мотив «лиса съедает колобка». Подтверждением правильности такого способа разложения является морфологическая эквивалентность сказки «Колобок» и мотивов, входящих в первую мотифему сказки «Ивашко и ведьма» (Аф. 108).

[16] Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. М., 1976, с.250.
[17] Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969, с.30.

	Колобок (Аф. 36)	Ивашко и ведьма (Аф. 108)
Начальная ситуация	Старик со старухой. Старик просит старуху испечь колобок. Старуха набирает муки, печет колобок и кладет на окно постудить.	Дед да баба, сын Ивашечка.
Отлучка	Колобок самовольно покидает пост: скатывается с окна на лавку, с лавки на по́л и т.д. Встречает зайца, который хочет его съесть, предлагает спеть, поет хвастливую песенку («У тебя, зайца, не хитро уйти!») и катится дальше. То же повторяется еще два раза, при встрече волка и медведя.	Ивашечка просит родителей отпустить его рыбку ловить. Время от времени баба приходит на берег, призывает Ивашечку (поет «песенку»), забирает рыбу, поит и кормит своего сына. Ведьма подслушивает призывы, приходит на берег и кричит сначала хриплым голосом. Ивашко слышит, что это не голос его матери и не поддается.
Нарушение	Наконец, колобок встречает лису, поет свою песенку. Лиса прикидывается, что не слышит, просит сесть ей на мордочку, затем на язык. Колобок (соглашается и) прыгает ей на язык.	Наконец, ведьма просит кузнеца сковать ей тоненький голос как у Ивашкиной матери. Снова зовет Ивашку, тот (приняв ее голос за голос матери) подплывает к берегу.
Отправка	Лиса съедает колобка.	Ведьма хватает Ивашку и уносит к себе.

Тот факт, что сказка «Колобок» заканчивается трагической гибелью («веселой катастрофой») для колобка, означает, что, будучи сказкой по своей поэтике, морфологически она является мифом. С точки зрения морфологии, сказка «Колобок» отличается от мифа только отсутствием этиологического мотива образования обрядового центра на месте «смерти» колобка[18].

Теперь рассмотрим под тем же углом сказку Ончукова «Обжора»:

	Обжора (Онч. 130)	Колобок (Аф.36)
Начальная ситуация	Бездетные мужик да баба. Старуха просит старика сделать из глины паренька.	Старик со старухой. Старик просит старуху испечь колобок. Старуха набирает муки, печет колобок и кладет на окно постудить.
Отлучка	**Паренек съедает у них все хлебы, а затем дедка с клюшкой, бабку с прялкой.** Паренек бежит на погост. Встречает и съедает попа со скуфьей, попадью с квашней, грабленников с граблями, сенокосцев с косами, быка. Каждый раз повторяется один и тот же диалог, вроде: «Не ешь меня! – Нет, съем».	Колобок скатывается с окна на лавку, с лавки на по́л и т.д. Встречает зайца, который хочет его съесть, предлагает спеть, поет хвастливую песенку («У тебя, зайца, не хитро уйти!») и катится дальше. То же повторяется еще два раза, при встрече волка и медведя.
Нарушение	Наконец, паренек встречает барана. Баран предлагает ему встать под гору, чтобы он с горы сам в рот забежал. (Паренек соглашается.) Баран бежит с горы, «дует» ему рогами в брюхо (вместо того, чтобы в «рот заскочить»).	Наконец, колобок встречает лису, поет свою песенку. Лиса прикидывается, что не слышит, просит сесть ей на мордочку, затем на язык. Колобок (соглашается и) прыгает ей на язык.
Отправка	**Брюшина паренька лопается, оттуда выходят наружу все пострадавшие.**	Лиса съедает колобка
	«Ну, боран всих збавиў».	
	Сказка вся.	

На первый взгляд может показаться, что сказка «Обжора» (один из персонажей вдруг называет глиняного паренька Ивашкой) по своей композиции

[18] Отметим, что сказка «Ивашко и ведьма» по своему происхождению синхронична сказке «Колобок», представляя собой трансформацию первобытной сказки в волшебную, причем не только за счет поэтики, но и морфологии. «Колобок» сохраняет древнюю морфологию, хотя структура субмотифемы *нарушения* изменена из одинарной в тернарную.

идеально совпадает со сказкой «Колобок» с точностью до обратного значения мотивов. Колобок убегает от бабушки с дедушкой, Глиняный Иванушка съедает дедка с бабкой. Колобок избегает участи быть съеденным встреченными им животными, Глиняный Иванушка, напротив, съедает каждого встречного.

Сходство заключительных мотивов носит вроде бы уже прямой характер, так как оба персонажа поддаются на обман при последней встрече и гибнут, естественно, с тем различием, что колобка лиса заманивает к себе (берет), а Глиняного Иванушку баран выманивает на себя (сдается), т.е. действия имеют противоположное направление.

Однако не все так просто, принимая во внимание одно несовпадение. Если наши сопоставления мотивов двух сказок верны, то мотивы «брюшина паренька лопается, все выходят наружу» попадают в пространство субмотифемы *отправки*. По смыслу этот мотив не соответствует понятию отправки в широком сказочном смысле. Мотив «лиса съедает колобка» можно транспонировать во фразу «колобок отправляется в брюхо лисы». С этой точки зрения указанный, мотив в сказке «Обжора» невозможно транспонировать во фразу «глиняный паренек, рассыпавшись, отправляется в небытие», поскольку в этом случае сказка и должна заканчиваться просто гибелью глиняного паренька.

Между тем сказка имеет, хотя и короткое, но продолжение: проглоченные люди (и животные) выходят наружу живые и невредимые. Вот это, казалось бы, небольшое продолжение со счастливым концом радикально меняет морфологию сказки, заставляя признать, что предложенное выше решение сказки является неверным. «Счастливый конец» буквально выдавливает вверх все предыдущие мотивы относительно идентичных по внешней форме мотивов сказки «Колобок». В результате возникает зародыш эпической (былинной) двухмотифемной структуры:

1. *IN*. ЖИЛИ-БЫЛИ. 2. ЧУДЕСНОЕ РОЖДЕНИЕ. 3. ЧУДЕСНАЯ СИЛА. 4. *A*. ВЫЗОВ. *B*. ПОЕДИНОК. 6. *FI*. ХВАЛА ГЕРОЮ.

Однако здесь сюжетная линия, если ее представить в виде ленты, перекручена вдоль оси наподобие ленты Мёбиуса. В пунктах (строках) 1, 2, 3 в качестве *протагониста* выступает глиняный паренек, а в пунктах (строках) 4, 5, 6 таковым выступает баран. Глиняный же паренек на этой стадии развития действия становится *антагонистом* («змеем»).

Таким образом, морфологически сказка «Колобок» представляет миф, а сказка «Обжора» – эпос. Можно только восхищаться удивительной интуицией Проппа, который когда-то провел это довольно тонкое различие между формульными и эпическими кумулятивными сказками только на основе нюансов в поэтике, в манере исполнения и «словесном наряде»[19]. Вероятно, к этому имеет отношение и другое намеченное Проппом противопоставление двух типов кумулятивных сказок, – сказок, где «последнее звено цепи одновременно

[19] Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. М., 1976, с.243-244.

служит концом сказки», и сказок, где «конец сказки» («конечная катастрофа») и «конечное звено цепи» субстанционально неоднородны (см. выше).

Теперь, когда мы решили поставленную Проппом задачу научного описания кумулятивных сказок с точки зрения морфологии, правда, с несколько иными результатами, остается выяснить существует ли нечто подобное в фольклорной реальности на той стадии, которую представляет традиционная культура народов Австралии.

Как оказывается, в Австралии конструкции этих двух видом бытуют едва ли не в преобладающем числе наряду с первобытными сказками, морфологические признаки которых были уже описаны в другой работе[20].

Для целей настоящей статьи будет достаточно взять для рассмотрения два текста, с несчастливым и счастливым концом («последним звеном»), из собрания «Мифов, преданий и сказок аранда» Карла Штрелова (1907)[21]. В Приложении даны полные тексты записей без примечаний к этимологии слов языка аранда, поскольку нам понадобится голая схема этих сказаний для демонстрации сходства их композиции с изученными выше сказками из великорусского репертуара. По Проппу, в табулированном виде эти тексты выглядят так:

	14. Ara, божественный кенгуру (К.Штрелов, 1907)	**38. Люди-ibiljakua [утки] (К.Штрелов, 1907).**
Экспозиция	(Когда-то) в местности Гаррантья жил кенгуру (ara).	Когда-то в Ирбманкара жили люди диких уток (ibiljakua) под началом вождя Нкебара [баклан].
Кумуляция	(**Однажды**) Во время ночевки кенгуру в одной из местностей, человек по имени Илбалтья выслеживает его и начинает преследование. Илбалтья гонит кенгуру из местности в местность (перечисляются все «географические» названия. – *ПБ*), но всякий раз промахивается, бросая копье.	**Однажды** к ним пришел человек по имени Ремала, который убедил людей-уток в Ирбманкара пойти с ним на север. Они шли от места к месту (перечисляются все «географические» названия), совершая обряды.
Финал	(**Наконец**) кенгуру достиг одного места, где также вырыл себе очень глубокую яму и улегся спать. Местные мужчины схватили свои палки, поплевали в руки, однако сказали: Нам не убить его палками! (Это был огромный кенгуру с красным телом. – *ПБ*). Они подошли, обступили его, пока кенгуру между ними спал в яме. Они все схватили кенгуру, один схватил его за ногу, другой за переднюю конечность, другой за голову, чтобы удержать его. (**Вдруг**) Мужчина, который преследовал кенгуру, увидел большое облако пыли. Он подошел ближе и увидел много мужчин, которые держали кенгуру. Он воткнул свое копье в землю, положил свою копьеметалку, водрузил свою палку и деревянную тьюрунгу и тоже ухватился за кенгуру. Однако кенгуру втоптал всех мужчин в землю.	(**Наконец**) в месте, называемом Куларата, они, будучи очень усталыми, легли спать и скоро крепко уснули. Тут явилось с запада злое существо в образе собаки, которое всех людей-ibiljakua проглотило. От чрезмерной сытости впало оно в глубокий сон. Тут (**вдруг**) пришли двое мужчин с севера, человек-tnalapaltarkna [3)] и человек-tantana, которые несли с собой большие бумеранги. Они подкрались к злому существу и метнули свои бумеранги ему в голову с такой силой, что она отлетала далеко в сторону. Все проглоченные люди-утки вышли наружу живыми.
	Все мужчины превратились в тьюрунги и кенгуру тоже. Это случилось в Тнеера.	Они полетели на длинном шнуре и опустились в Нунта, где они tjurungeraka (превратились в тьюрунги).

[20] Белков П.Л. О происхождении волшебной сказки. Сказки полные и неполные // ***ethnomanuscripts.ru***

[21] Strehlow C. I. Die Aranda- und Loritja-Stämme in Zentral-Australien. Frankfurt am Main, 1907: I. Teil. Mythen, Sagen und Märchen des Aranda-Stämmes. (Veröffentlungen aus dem Städtischen Völkermuseum Frankfurt am Main).

Сходство сюжетных линий с рассматриваемыми ранее кумулятивными сказками довольно легко обнаруживается эмпирически, как факт. С точки зрения общей теории фольклора, можно отметить, что изначально для повествовательного фольклора ключевыми для управления ходом действия (запуска, ускорения и остановки) служат три простых, волшебных слова, образующие узлы в местах обрыва сюжетной линии):

ОДНАЖДЫ, ВДРУГ И НАКОНЕЦ

Более четко данное сходство проступает с использованием метода членения на мотифемы (при последовательном делении тела сказки на **3** большие мотифемы, **9** средних мотифем и **27** малых мотифем).

	14. Ara, божественный кенгуру (К.Штрелов, 1907)	**38. Люди-ibiljakua [утки] (К.Штрелов, 1907).**
Начальная ситуация (экспозиция)	(Когда-то) в местности Гаррантья жил кенгуру (ara).	Когда-то в Ирбманкара жили люди диких уток (ibiljakua) под началом вождя Нкебара [баклан].
Отлучка	(**Однажды**) Во время ночевки кенгуру в одной из местностей, человек по имени Илбалтья выслеживает его и начинает преследование. Илбалтья гонит кенгуру из местности в местность (перечисляются все «географические» названия. – *ПБ*), но всякий раз промахивается, бросая копье.	**Однажды** к ним пришел человек по имени Ремала, который убедил людей-уток в Ирбманкара пойти с ним на север. Они шли от места к месту (перечисляются все «географические» названия), совершая обряды.
Нарушение (причина)	(**Наконец**) кенгуру достиг одного места, где также вырыл себе очень глубокую яму и улегся спать. Местные мужчины схватили свои палки, поплевали в руки, однако сказали: Нам не убить его палками! (Это был огромный кенгуру с красным телом. – *ПБ*). Они подошли, обступили его, пока кенгуру между ними спал в яме. Они все схватили кенгуру, один схватил его за ногу, другой за переднюю конечность, другой за голову, чтобы удержать его. (**Вдруг**) Мужчина, который преследовал кенгуру, увидел большое облако пыли. Он подошел ближе и увидел много мужчин, которые держали кенгуру. Он воткнул свое копье в землю, положил свою копьеметалку, водрузил свою палку и деревянную тьюрунгу и тоже ухватился за кенгуру.	(**Наконец**) в месте, называемом Куларата, они, будучи очень усталыми, легли спать и скоро крепко уснули. Тут явилось с запада злое существо в образе собаки, которое всех людей-ibiljakua проглотило. От чрезмерной сытости впало оно в глубокий сон.
Отправка (следствие)	Однако кенгуру втоптал всех мужчин в землю.	Тут (**вдруг**) пришли двое мужчин с севера, человек-tnalapaltarkna [3)] и человек-tantana, которые несли с собой большие бумеранги. Они подкрались к злому существу и метнули свои бумеранги ему в голову с такой силой, что она отлетала далеко в сторону. Все проглоченные люди-утки вышли наружу живыми.
Конечная ситуация	Все мужчины превратились в тьюрунги и кенгуру тоже. Это случилось в Тнеера.	Они полетели на длинном шнуре и опустились в Нунта, где они tjurungeraka (превратились в тьюрунги).

Перед нами типичные для построения мифа одномотифемные структуры. По ним видно, что так называемая *кумуляция*, которая по схеме Проппа занимает срединное место в композиции, изначально представляет собой форму отлучки. Дальше происходит некое событие, которое имеет свою *причину* и *следствие* (*действие*). Срединное место занимают как раз те мотивы, которые Пропп рассматривает как элементы *финала*.

Кумуляция – это не последовательность, а наслоение энного числа однородных мотивов. Это не то, что развивает, а то, что останавливает действие. Отсюда понятие кумуляции становится тождественным понятию ретардации, когда персонаж действует, но само действие стоит. Это легко изобразить графически, поскольку повторяющиеся мотивы помещаются в одной и той же строке (ячейке) мотифемной сетки:

Один из теоретически важных выводов может состоять в том, что морфологически кумулятивные сказки восходят непосредственно к мифам, представляя собой простейшие одномотифемные структуры. Выше мы сравнивали сказки со сказками и мифы с мифами. Однако, как можно видеть из двух таблиц, представленных ниже, при сравнении кумулятивных сказок с мифами определенного типа результат получается тот же самый.

	14. Ara, божественный кенгуру (К.Штрелов, 1907)	**Колобок (Аф. 36)**
Начальная ситуация	(Когда-то) в местности Гаррантья жил кенгуру (ara).	Старик со старухой. Старик просит старуху испечь колобок. Старуха набирает муки, печет колобок и кладет на окно постудить.
Отлучка	(**Однажды**) Во время ночевки кенгуру в одной из местностей, человек по имени Илбалтья выслеживает его и начинает преследование. Илбалтья гонит кенгуру из местности в местность (перечисляются все «географические» названия. – *ПБ*), но всякий раз промахивается, бросая копье.	Колобок скатывается с окна на лавку, с лавки на по́л и т.д. Встречает зайца, который хочет его съесть, предлагает спеть, поет хвастливую песенку («У тебя, зайца, не хитро уйти!») и катится дальше. То же повторяется еще два раза, при встрече волка и медведя.
Нарушение	(**Наконец**) кенгуру достиг одного места, где также вырыл себе очень глубокую яму и улегся спать. Местные мужчины схватили свои палки, поплевали в руки, однако сказали: Нам не убить его палками! (Это был огромный кенгуру с красным телом. – *ПБ*). Они подошли, обступили его, пока кенгуру между ними спал в яме. Они все схватили кенгуру. **Один схватил его за ногу, другой за переднюю конечность, другой за голову, чтобы удержать его**. (**Вдруг**) Мужчина, который преследовал кенгуру, увидел большое облако пыли. Он подошел ближе и увидел много мужчин, которые держали кенгуру. Он воткнул свое копье в землю, положил свою копьеметалку, водрузил свою палку и деревянную тьюрунгу и тоже ухватился за кенгуру.	**Наконец**, колобок встречает лису, поет свою песенку. Лиса прикидывается, что не слышит, просит сесть ей на мордочку, затем на язык. Колобок (соглашается и) прыгает ей на язык и лиса съедает колобка
Отправка	Однако кенгуру втоптал всех мужчин в землю.	(Колобок отправляется в брюхо лисы.)
Конечная ситуация	Все мужчины превратились в тьюрунги и кенгуру тоже. Это случилось в Тнеера.	

	38. Люди-ibiljakua [утки] (К.Штрелов, 1907).	Обжора (Онч.130)
Начальная ситуация	Когда-то в Ирбманкара жили люди диких уток (ibiljakua) под началом вождя Нкебара [баклан].	Бездетные мужик да баба. Старуха просит старика сделать из глины паренька. Паренек съедает у них все хлебы, а затем дедка с клюшкой, бабку с прялкой.
Отлучка	**Однажды** к ним пришел человек по имени Ремала, который убедил людей-уток в Ирбманкара пойти с ним на север. Они шли от места к месту (перечисляются все «географические» названия), совершая обряды.	Паренек бежит на погост. Встречает и съедает попа со скуфьей, попадью с квашней, грабленников с граблями, сенокосцев с косами, быка. Каждый раз повторяется один и тот же диалог, вроде: «Не ешь меня! – Нет, съем».
Нарушение	(**Наконец**) в месте, называемом Куларата, они, будучи очень усталыми, легли спать и скоро крепко уснули. Тут явилось с запада злое существо в образе собаки, которое всех людей-ibiljakua проглотило. От чрезмерной сытости впало оно в глубокий сон.	Наконец, паренек встречает барана. Баран предлагает ему встать под гору, чтобы он с горы сам в рот забежал. Баран бежит с горы, «дует» ему рогами в брюхо (вместо того, чтобы в «рот заскочить»).
Отправка	Тут (**вдруг**) пришли двое мужчин с севера, человек-tnalapaltarkna [3)] и человек-tantana, которые несли с собой большие бумеранги. Они подкрались к злому существу и метнули свои бумеранги ему в голову с такой силой, что она отлетала далеко в сторону. Все проглоченные люди-утки вышли наружу живыми.	Брюшина паренька лопается, оттуда выходят наружу все пострадавшие.
Конечная ситуация	Они полетели на длинном шнуре и опустились в Нунта, где они tjurungeraka (превратились в тьюрунги).	«Ну, боран всих збавиў».
		Сказка вся (дальше врать нельзя).

Речь идет о цепных мифах, цель которых состоит в перечислении названий сакральных обрядовых центров и которые представляют собой своего рода мнемоническое средство, а вместе с тем выполняют роль *устной карты* священных мест с их описанием. Кумулятивные сказки возникают при отмирании обрядовых центров, когда конкретные признаки заменяются обобщенными при включении принципа наращивания. Кумулятивные сказки – это чудом выжившие в качестве самостоятельных единиц фольклора древние мифы. Вероятно, поэтому они так редко встречаются и так бедны вариантами.

При этом, как можно видеть, кумулятивные сказки сохраняют деление на два типа сюжетов, с несчастливым и несчастливым концом, в зависимости от того, за кем следит рассказчик – за тем, кто съедает, или за тем, кого съедают, но после спасают. В последнем случае в мифологическом клубке, появляется кончик, потянув за который можно создать эпическую, двухмотифемную структуру. В силу этого двухмотифемные конструкции структуры спорадически появляются в рамках первичной формации, будучи стадиально синхронными мифу.

P.S. В качестве постскриптума сравним еще раз метод Проппа с методом трех мотифем. Как показывает разбор Проппом кумулятивных сказок, он был последователен в развитии идеи морфологического анализа явлений фольклора, однако не видел возможности разработки универсальной процедуры для всех видов фольклора. С его точки зрения, кумулятивная сказка подчиняется иным законам, нежели волшебная сказка. Для него это означает, что волшебные сказки и кумулятивные сказки нельзя свести к сопоставимому виду, и, соответственно, они разного рода, разного происхождения. Нам (скажем скромно) кажется

удалось доказать обратное. «Исторические корни» волшебной сказки и кумулятивной сказки одни и те же – первобытные мифы. Это становится научным фактом, а не просто догадкой только при замене интуитивно верной, но очень приблизительной системы проповских функций на систему мотифем. Кумулятивные сказки полностью укладываются в первую большую (красную) мотифему волшебной сказки при том, что в создании начальной ситуации используется мотив *чудесного рождения*. Верно, что у кумулятивных и волшебных сказок разная структура, но каждая подчиняется одним и тем же законам. Иначе говоря, они не являются чем-то потусторонним по отношению друг к другу, как это получилось у Проппа.

В известном смысле, множество мотифем есть множество функций, заданное не списком, а свойством (правилом). Это кардинально другое понятие, которое, однако, позволяет во многом сохранить терминологическую оболочку теории Проппа. Для наглядности приведу две сравнительные таблицы:

***VP*-метод**	«Колобок»	***PB*-метод**	Колобок (Аф.36)
Экспозиция	Старуха печет колобок, **он убегает**.	Начальная ситуация	Старуха печет колобок, кладет на окошко.
Кумуляция	Встречает зайчика (*resp*. волка, медведя, лисицу и др.), хвастает, что его не съедят.	Отлучка	**Колобок убегает.** скатывается с окна на лавку, с лавки на по́л и т.д Встречает зайчика (*resp*. волка, медведя, лисицу и др.), хвастает, что его не съедят.
Финал	Лиса его съедает	Нарушение (подвох, пособничество, вредительство)	Наконец, колобок встречает лису, поет свою песенку. Лиса прикидывается, что не слышит, просит сесть ей на мордочку, затем на язык. Колобок (соглашается и) прыгает ей на язык
		Отправка	Лиса съедает колобка
			[**Так и пропал колобок**]

***VP*-метод**	«Глиняный паренек»	***PB*-метод**	Обжора (Онч.130)
Экспозиция	Бездетные старики лепят из глины паренька.	Начальная ситуация	Бездетные мужик да баба. Старуха просит старика сделать из глины паренька.
Кумуляция	Он съедает клубок с веретенцем, затем бабушку с копылком, дедушку с топорком, Катьку с ведром, баб с граблями и др	Отлучка	Паренек съедает у них все хлебы, а затем дедка с клюшкой, бабку с прялкой. **Паренек бежит на погост**. Встречает и съедает попа со скуфьей, попадью с квашней, грабленников с граблями, сенокосцев с косами, быка. Каждый раз повторяется один и тот же диалог, вроде: «Не ешь меня! – Нет, съем».
Финал	Козел бодает паренька, глина рассыпается, все выходят.	Нарушение (подвох, пособничество, вредительство)	Наконец, паренек встречает барана. Баран предлагает ему встать под гору, чтобы он с горы сам в рот забежал. (Паренек соглашается.) Баран бежит с горы, «дует» ему рогами в брюхо (вместо того, чтобы в «рот заскочить»).
.		Отправка	Брюшина паренька лопается, оттуда выходят наружу все пострадавшие.
			«Ну, боран всих збавиў».
			Сказка вся.

21 февраля 2020 г.

Приложение

14. Ara, божественный кенгуру.

Один кенгуру жил в месте Гаррантья, по ту сторону McDonnell Ranges. Он возвращался с севера по равнине, где он увидел кустарник tnelja. Он опустил свои передние конечности на землю и объел растение. Он пошел вечером в Тнауута, где он вырыл себе ложе для сна. Один мужчина по имени Илбалтья, выследил его. Подойдя, мужчина нашел кенгуру спящим. После того. как он его увидел, он подкрался утром к нему и нашел, что кенгуру уже встал. После того. как кенгуру заметил мужчину, он пустился в бегство и побежал по равнине на юг. Человек неотступно преследовал его. Кенгуру опять увидел кустарник tnelja. После того, как он ощипал его, оглянулся он вокруг себя и увидел, что мужчина подошел совсем близко. Кенгуру помчался (большими) прыжками дальше на юг и увидел недалеко гору, называемую Итирка. Он пришел к Итирка к вечеру. Он приготовил себе глубокое ложе и залег в него. Человек, который на него охотился, лёг совсем близко. Утром поднялся кенгуру на гору и спустился на другую сторону в маленькую долину, в месте, (которое называется) Илтарапатта. Он поел (листьев) кустарника tnelja, прыгая от одного куста к другому. Ночью он опять вырыл себе удобное ложе, в то время как мужчина лег поблизости. После того, как кенгуру проснулся, поел он листьев кустарника tnelja. Вот человек вставил копье в копьеметалку mëra, но промахнулся, так как кенгуру очень быстро убежал. Кенгуру побежал по ручью дальше в лагерь Радуга. После того, как он там напился воды, побежал он дальше по равнине и нашел цветы бессмертника. После того, как он вечером наелся бессмертника, вырыл он себе ложе и улегся в нем, чтобы поспать. Кенгуру встал с восходом солнца и увидел во время еды из-под мышки, своего преследователя, увидел, что он человек совсем близко. После того. как мужчина вложил копье в копьеметалку, побежал кенгуру вперед. Человек вскрикнул от досады: Увы! Кенгуру побежал в Теркиларра, а когда он поел в полдень листьев кустарника tnelja, пошел он очень быстро в Калтанга. Человек продолжал идти за ним. Кенгуру лег там спать, мужчина лег совсем близко от него. Мужчина встал рано утром. После того, как кенгуру наелся бессмертника, натер мужчина копье землей, вложил его в копьеметалку и приблизился, чтобы поразить кенгуру копьем. Кенгуру наблюдал за ним, находясь совсем близко. Мужчина промахнулся. Кенгуру поднялся в гору и увидел широкую равнину. Он спустился по тропинке и спрыгнул на землю. Когда позже мужчина посмотрел сверху вниз, увидел он кенгуру. После того, как кенгуру в Инданьинта наелся (листьев) кустарника tnelja, вырыл он себе очень глубокое ложе. Здесь мужчина нес на голове деревянную тьюрунгу. Он резким движением вытянул правую руку, прицелился копьем и промахнулся. Кенгуру побежал через песчаный холм и спрыгнул в маленький ручей. После того. как он вечером поел tnelja, пошел в ущелье между скал, где снова выкопал себе яму, а именно в Тнентинбакана. Человек подошел ко входу в ущелье, он нес палку, копье и тьюрунгу. После того, как он там выспался, он проснулся, натер опять копье землей и вложил в mëra, (а) кенгуру поднялся на высокую гору, откуда с высоты он увидел широкую равнину. Он спустился на равнину. Мужчина увидел, что кенгуру на много его опережает. После того. как кенгуру на небольшой горе поел worraworra, поскакал он с шумом дальше и разбросал рыхлую землю в месте (под названием) Ултунда-такалака. Он вырыл себе глубокое место для сна, тогда как мужчина очень голодный лег поблизости. Кенгуру поднялся на другое утро. Тогда мужчина поплевал на руки, чтобы бросить в него свою палку, (но) кенгуру быстро побежал вперед. С одной невысокой горы увидел он большой ручей, в который спустился. Мужчина увидел, что кенгуру очень сильно опережает его. Кенгуру поел вечером tnelja, а мужчина был очень голоден и очень устал. Кенгуру вырыл себе очень глубокое ложе. Мужчина на утро целился и снова промахнулся. Кенгуру побежал по ручью дальше в Интеера, с этой стороны Henbury. Мужчина был очень усталым, шел очень медленно и был очень голоден. Там было много старых мужчин, которые услышали топот кенгуру по земле. Один старый мужчина увещевал их: Будьте покойны! Послушаем, что это за шаги! Они прислушались и сказали: Видно, эти звуки шагов идут с севера. После они увидели огромного кенгуру с красным телом. Этот кенгуру вырыл себе очень глубокую яму и улегся спать. Мужчины схватили свои палки, поплевали в руки, однако сказали: Нам не убить его палками! Они подошли, обступили его, пока кенгуру между ними спал в яме. Они все схватили кенгуру, один схватил его за ногу, другой за переднюю конечность, другой за голову, чтобы удержать его. Мужчина, который преследовал кенгуру, увидел большое облако пыли. Он подошел ближе и увидел много мужчин, которые держали кенгуру. Он воткнул свое копье в землю, положил свою копьеметалку, водрузил свою палку и деревянную тьюрунгу и тоже ухватился за кенгуру. Однако кенгуру втоптал всех мужчин в землю, после чего все мужчины превратились в тьюрунги и кенгуру тоже. Это произошло в Тнеера.

38. Люди-ibiljakua [утки].

Когда-то жило много людей диких уток (ibiljakua) под началом вождя Нкебара [баклан] в Ирбманкара, называемого белыми Running Waters, на нижней Финке. К ним пришел однажды человек по имени Ремала, который принадлежал к тотему ibara [1)], или журавля, из местности Нунта на севере, который убедил людей-уток в Ирбманкара с ним на север вернуться. Они пошли сначала в Рубула, где они набрали семян мульга (ititja), в горячей золе подсушили, вместе с водой растерли и эту кашу выпили. Затем они украсили Ремала черными полосами и птичьим пухом, дали ему ветки гумми в руки, которыми он непрерывно водил по бедрам, тогда как все молодые мужчины двигались вокруг него и делали warkuntaka. На следующий день направились они в северо-западном направлении дальше и дошли до Лалкаринтинерама, места, что находится ниже того места, где Palm Creek соединяется с рекой Финке. Здесь украсили они обоих вождей, Нкебара и Ремала. Те взяли маленькие палочки в руки, которыми они отбивали такт, ударяя по бедрам. По окончании церемонии пошли они дальше в Пмалетнама, где острый камень выступает из тамошнего водоема. Там накрасил Ремала молодых людей-уток углем, поставил их всех в ряд, они издали крик (hŏ, hŏ, hŏ, hŏ, hŏ), а он своим длинным копьем им в шею сзади ткнул (talkutanaka). Отсюда они пошли к Нтареа, водоему, что находится в одной миле к западу от Германнсбурга на реке Финке. После того, как они в этом месте исполнили религиозный обряд, скрутили они себе длинный шнур из волос, uléra называемый, сели на него все, один за другим, и полетели как утки. Они опустились в Йикала, одном месте, лежащем примерно в девяти милях к западу от Германнсбурга на реке Финке. Здесь они сначала поели manna tmekua, затем накрасили они молодых мужчин и дали им маленькие жезлы (iwonba) в руки, которые они должны были бить друг о друга, пока вождь им снова не приложит к шее свое длинное копье. Они пошли отсюда пешком вверх по по Финке и пришли в известное тотемное место Рама, где двое вождей большой tnatantja приготовили, установили и, взявшись за его середину, сели друг против друга, а юноши, как обычно, кружили вокруг них. После того, как они обоих вождей взяли за плечи, выдернули tnatantja и положили на ветки гумми. Здесь потерял Ремала тьюрунгу. Опять скрутили они длинный шнур, полетели и сели на северной стороне ущелья Финке в Улбмантальерра, где много местных людей-уток жили; их вождь тоже звался Нкебара [баклан]. Здесь скрутили они очень длинный шнур. Один Нкебара сел на одном конце, второй – на другом, а все люди-утки сели между ними, полетели и сели в Эрулба, с этой стороны от Glen Helen. После того как они здесь кашу из семян мульга выпили и церемонию провели, скрутили они опять длинный шнур и полетели через гору и долину, пока не увидели Куларата. Здесь они опустились с криком уток (hŏ, hŏ, hŏ, hŏ, hŏ, b, b, b, rrr). Тамошний вождь по имени Эроанба [белый журавль] дал им семена мульга в дар. Так как они очень устали, они легли и скоро крепко уснули. Тут явилось с запада злое существо в образе собаки, которое всех людей-ibiljakua проглотило. От чрезмерной сытости впало оно в глубокий сон. Тут пришли двое мужчин с севера, человек-tnalapaltarkna [3)] и человек-tantana, которые несли с собой большие бумеранги. Они подкрались к злому существу и метнули свои бумеранги ему в голову с такой силой, что она отлетала далеко в сторону. Все проглоченные люди-утки вышли наружу живыми, полетели на длинном шнуре и опустились в Нунта, где они tjurungeraka (превратились в тьюрунги).